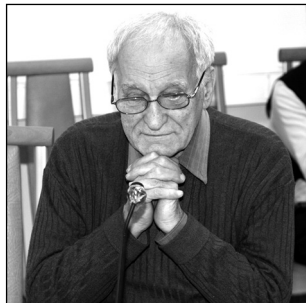

Россия в поиске своей цивилизационной идентичности

В.М. Межуев,
доктор философских наук

Тема доклада, безусловно, интересная, хотя, по моему мнению, докладчиками она не раскрыта. Оба они защищают то, что еще необходимо доказать, а именно — существование России как особой цивилизации.

Я лично — противник теории локальных цивилизаций, которая появилась с легкой руки нашего Данилевского, а затем была подхвачена Шпенглером, Тойнби и др. Если история — это пространство, заполненное разными цивилизациями, то истории просто нет. Отрицание мировой истории — общее место у всех теоретиков локальных цивилизаций. Шпенглер прямо говорит, что всемирная история — это изобретение европейцев. В данной теории я вижу исток современного консервативного национализма и изоляционизма. А это путь в никуда. Эмпирически отрицать факт наличия множества цивилизаций вроде бы трудно, но, с моей точки зрения, такое множество лишь означает, что процесс становления цивилизации еще не завершен.

Действительно, вначале возникает веер, некоторое множество разных очагов цивилизации, многие из которых погибли либо от столкновения друг с другом, либо от натиска варварских племен и народов. Некоторые из них дожили до нашего времени. Но само наличие такого множества лишь свидетельствует о том, что цивилизация еще не стала для

всего человечества единой и общей, т. е. не достигла уровня своей исторической зрелости. Если культур, действительно, много, то цивилизация — в точном смысле слова — только одна. Я против отождествления цивилизации и культуры, что также является общим местом для всех теоретиков локальных цивилизаций. Пока существует якобы множество цивилизаций, нельзя считать варварство полностью преодоленным состоянием, ибо суть варварства как раз и состоит в абсолютизации границ, разделяющих разные народы.

В основу существования разных цивилизаций обычно кладут мировые религии. Так, Хантингтон, отстаивая идею множественности цивилизаций, что представляется ему эмпирически очевидным, особо подчеркивает тождество цивилизации и культуры, ставя на первое место в этом тождестве религию. «Основные цивилизации в человеческой истории, — пишет он, — в огромной мере отождествлялись с великими религиями мира...». Отсюда достаточно распространенная типология цивилизаций. Так говорят о христианской (западной и восточно-православной), мусульманской, буддийской, индуистской цивилизациях. Именно эти пять цивилизаций Тойнби отнес к последнему — третьему — поколению цивилизаций, дожившему до нашего времени. Тойнби предвидит в будущем и возможность столкновения между ними, например, в ядерной войне (эту его мысль и подхватил Хантингтон), что грозит человечеству гибелью. Оправдывается это предвидение или нет, границы между цивилизациями представляются ему неустраимыми.

Какое место в этом раскладе занимает Россия? Тойнби отнес ее к «восточно-православной цивилизации», берущей начало в Византии. Однако существование самой России как особой цивилизации можно поставить и под сомнение. Православие, несомненно, находилось в истоке русской духовности и культуры, но вряд ли одного этого достаточно для существования особой цивилизации. Во-первых, не только Россия является православной страной. Во-вторых, русская

культура, которой мы все гордимся, во многом имеет европейские корни. У Данилевского особой цивилизацией является не Россия, а славянский культурно-исторический тип, представленный всеми славянскими народами. Для Шпенглера Россия — исторический «псевдоморфоз», противоестественное сочетание православной набожности с европейской ученостью. Если под цивилизацией понимать характерные для любого народа культурные особенности, то тогда и чукчи — цивилизация, и украинцы — цивилизация. Не считать же цивилизацией царское самодержавие и советский тоталитаризм, хотя попытку сблизить их с православием предпринимали многие. Тот же Тойнби считал православную Византию родиной тоталитаризма, откуда его и унаследовала Россия: тоталитаризм, согласно Тойнби, — «византийское наследие России». Для большинства зарубежных и отечественных авторов самодержавие и тоталитаризм — признак не особой цивилизации, а до конца неизжитого варварства, свидетельство исторической отсталости страны, ее недостаточной цивилизованности.

Вообще, приравнивание цивилизации к религии не всегда оправдано и, прежде всего, по отношению к самому Западу. Христианство, действительно, есть религия Запада по преимуществу, но ведь не только оно создало западную цивилизацию. Другим ее истоком стала греко-римская античность, откуда, собственно, и заимствовано понятие «цивилизация». Если средневековую Европу с ее властью католической Церкви над земными правителями еще и можно называть христианской цивилизацией, то как быть с современным Западом, пережившим этап секуляризации? Разве его отличает от других цивилизаций только в вере? Возникшая здесь цивилизация дает основание для другой исторической типологии, делит ее на традиционные и современные, доиндустриальные (аграрные), индустриальные и постиндустриальные общества, которые иногда также называют цивилизациями. Со стороны Востока история, действительно,

выглядит как некоторое множество цивилизаций (идея такого множества родилась на Западе, но в результате открытия им Востока); со стороны же Запада она предстает не просто как пространство, заполненное разными цивилизациями, но как движение человечества в сторону все большей его интеграции. С момента своего появления на свет Запад и мыслил себя заключительной фазой этого движения, и нельзя отрицать определенную правомерность такого взгляда. По этой логике, Запад — не просто одна из многих, а *универсальная цивилизация*, способная распространиться по всему свету и включить в себя все его части и регионы. Универсализм, в противоположность локализму, всегда осознавался Западом как его собственная и неотвратимая судьба.

Подобное представление — результат не просто раздутого самомнения. Оно диктуется некоторыми вполне объективными обстоятельствами. Запад универсален не по причине своей религиозности (здесь ему противостоят другие религии), а в силу своей разумности, получившей форму научной и правовой рациональности, которая не требует для себя никакой религиозной санкции. Наука и право — вот реальный вклад Запада в мировое развитие, от которого не может отказаться ни одно общество, желающее стать современным. Создав науку и светские формы жизни, базирующиеся на формально-правовых началах, он усмотрел в них единственно приемлемый для человечества способ его совместного существования. Именно Запад поставил вопрос об универсальной (т. е. научно рациональной в своих материальных и социальных основаниях) цивилизации как главном итоге всего предшествующего исторического развития.

В истории человечества Запад действительно стал первой попыткой перехода к такой цивилизации, во всяком случае, впервые выдвинул идею такого перехода. Именно здесь когда-то родилась идея человечества, объединенного в одно целое под властью Рима, под которой понималась не столько власть силы, сколько власть права. Это была не про-

сто мечта о мировом господстве, владевшая умами многих завоевателей, а именно идея универсальной цивилизации, уравнивающая всех в правах римского гражданина. Ее потому и называют иногда «римской идеей». Начиная с «первого Рима», история Запада стала историей ее практического воплощения в жизнь, хотя на разных этапах — разными путями и средствами.

Западу всегда казалось, что именно он призван покончить с варварством былых времен, явить миру единственно возможную форму его интеграции. И так было до тех пор, пока в фазе его капиталистического развития не обнаружились черты, заставившие говорить о «новом варварстве». На место первоначальной оппозиции «цивилизация — варварство» пришли другие, не менее острые и опасные. В суммарном виде их можно сформулировать как оппозиция «цивилизация — природа», с одной стороны, «цивилизация — культура» — с другой. Конфликт цивилизации, развивающейся по законам капиталистического рынка, с природой и культурой стал причиной экологического и духовного кризиса, обозначив тем самым не только пределы роста этой цивилизации, но и ее неприемлемость в качестве планетарной модели будущего мироустройства. Отсюда и родились критика западной цивилизации, стремление найти ей альтернативу.

В ситуации обозначившегося кризиса западной цивилизации Россия и должна сделать свой собственный цивилизационный выбор. Если по отношению к первой оппозиции у нее нет иного выбора, как идти по пути Запада (здесь она не является исключением из общего правила), то по отношению к двум другим она вынуждена — вместе с Западом или без него — искать новые пути, позволяющие преодолеть или как-то ослабить их остроту и напряженность. Но отсюда следует, что такой выбор — дело не прошлого, а настоящего и будущего России.

О России как особой цивилизации стали писать сравнительно недавно и явно под воздействием происшедших в ней

перемен. Избранная нашими либеральными реформаторами стратегия модернизации России по образцу западных стран, названная «вхождением в современную цивилизацию», заставила задуматься о том, в какой мере эта стратегия учитывает российскую специфику, считается с ней. Вопрос этот побудил многих исследователей распространить на Россию так называемый «цивилизационный подход», представить ее как особое цивилизационное образование. Для такого вывода есть, казалось бы, все основания. Явная неудача этих реформ, проводившихся по рецептам западной науки, невольно наводит на мысль, что не все в этой науке адекватно срабатывает на российской почве. Россия полностью как бы не укладывается в научное ложе, созданное по меркам западного общества, не открывается принятым там стандартам научного объяснения и анализа. Что-то сохраняется в остатке, и это что-то затем ломает все расчеты и рушит все ожидания.

Непроницаемость России для интеллектуального дискурса Запада многие объясняют однозначно: Россия не является органической частью Запада, где этот дискурс сложился и оформился. Как России, порой, трудно понять Запад (не говоря уже о том, чтобы быть им), так и Западу трудно понять Россию, представить ее в терминах собственной научной рациональности. Ситуация, казалось бы, типичная для встречи одной цивилизации с другой. В действительности, не все так просто, как может показаться на первый взгляд. Россию трудно представить и как совершенно особую, окончательно сложившуюся, во всем отличную от Запада цивилизацию, хотя подобные попытки и предпринимаются сегодня многими, пишущими на эту тему. Ее называют то православной, то восточнославянской, то евразийской цивилизацией — в зависимости от того, какой признак берется за основу — конфессиональный, этнокультурный или геополитический. Но могут ли каждый из них — и даже все они вместе — служить признаком существования особой цивилизации? Будь так —

вопрос об отношении России к Западу решался бы намного проще, не переживался как одна из мучительных проблем российской истории. Ведь в сознании россиян постоянно жила тема не только их особенности и самобытности, но и отсталости, недостаточной развитости по сравнению с Западом. Эта западническая тема, наряду со славянофильской (то, что западники считали отсталостью России, славянофилы оценивали как ее самобытность), является сквозной в истории русской общественной мысли. Она вообще не могла бы возникнуть, не будь Россия в чем-то страной европейского типа, находишься она целиком за пределами западного мира. Чтобы сравнивать себя с Европой, даже в пользу последней, надо в каком-то смысле уже быть Европой, осознавать свою близость с ней. Многие страны неевропейского региона, также переживающие процесс модернизации, не возводят свою несхожесть с Европой в общенациональную проблему, не испытывают по отношению к ней чувство собственной неполноценности. Наши же западники всегда воспринимали Россию даже не как соседа, а как родственника Европы, пусть и бедного, задержавшегося в своем развитии.

Столкновение этих двух основных русских тем — самобытности и отсталости — говорит о том, что вопрос о цивилизационной идентичности России остается открытым, не имеет однозначного решения, провоцирует возникновение взаимоисключающих мнений. На нашем пространстве как бы сосуществуют и сталкиваются разные России, между которыми трудно найти что-то общее. Мы либо грезим о своем прошлом, либо проклинаям его. Кто-то не приемлет ничего, что связано с Западом, для кого-то даже слово «патриотизм» является бранным. И каждый видит в другом заклётого врага России.

Вопреки мнению о том, что Россия уже сложилась как особая цивилизация, напрашивается другой вывод: она и сегодня находится в поиске своей цивилизационной идентичности, своего места в мировой истории. Поиск этот далеко не

завершен, что подтверждается непрекращающимся спором о том, чем является Россия — частью Запада или чем-то отличным от него. На отсутствие приемлемого для всех решения указывает и постоянно возрождающийся в российском общественном сознании интерес к «русской идее». Если Запад осознает себя как уже сложившуюся цивилизацию, то Россия — как только идею (разумеется, по-разному трактуемую), существующую более в голове, чем в действительности. Подобное направление мысли выходит на первый план там, где реальность находится еще в состоянии брожения, не отлилась в законченную форму, не застыла в своей цивилизационной определенности. И в нынешнем виде Россия являет собой пример страны, не столько обретшей свою цивилизационную идентичность, сколько в очередной раз осознавшей необходимость ее обретения.